

Врачи прибыли быстро — не только офтальмолог, но и невролог.

Когда болезнь даёт о себе знать, часто бывает уже поздно. Гу Янь не мог избавиться от ужасающей мысли: вдруг в голове Сюй Сяочжэня что-то выросло? Что, если это опухоль?

Гостиную продувало сквозняком, воздух был свеж, просторно — а дышать всё равно было тяжело. Глядя на потерянное лицо Сюя, Гу Янь чувствовал, как сжимается грудь, болит сердце.

Он крепко обнял Сюя, как будто мог тем самым защитить, удержать его от распада.

Раньше, что бы он с ним ни делал, Сюй Сяочжэнь мог погрузить немного, но быстро оправлялся. Улыбался, отряхивался — даже если в грязи и унижен. Гу Янь думал, что его невозможно сломать.

Сейчас он впервые увидел его по-настоящему уязвимым.

Сюй больше не слышал, что говорит Гу Янь. Никакие слова не достигали его. Никакое утешение уже не действовало.

Врачи провели тщательное обследование — офтальмоскопия с щелевой лампой, замер внутриглазного давления. И всё равно не могли поверить — такой молодой, под заботой самого генерала Гу, по всем признакам живущий беззаботно, чего бы ему бояться? Как у него могло развиваться заболевание, которое чаще встречается у пожилых?

Пришлось перепроверять всё снова. После обсуждения медики дали заключение:

— Похоже, это стойкое повышение внутриглазного давления. Давление превысило порог, который глаз может выдержать, — началось ухудшение зрения. И, судя по всему, не в первый раз. Есть риск потери зрения. Если это не первичное заболевание, нужно сделать КТ, чтобы исключить опухоль мозга.

Изначально врачи предложили отвезти пациента в больницу, но Гу Янь повёл их не туда — он спустил Сюй Сяочжэня в подвал. Почти три тысячи квадратов, высокоточное оборудование, среди прочего — КТ-сканер, причём по характеристикам лучше, чем в Имперской клинике.

Доктора переглянулись. У них волосы зашевелились от мысли, что человек, известный всей стране как железный генерал, хранит дома такое... У обычных людей такого оборудования быть не может.

Но это не их дело. Результаты КТ показали: мозг Сюя в норме.

Он сидел на диване с кружкой тёплой воды, подчинённо проходил осмотр.

— Первый раз это случилось шесть лет назад, в августе. Проснулся и понял, что плохо вижу. Но жить не мешало, со временем вроде стало лучше, я и забыл, — он сглотнул и тут же добавил, тревожно глядя на врачей: — Я ослепну?

— Очень возможно, — врачи замялись, но не стали врать. — Хотя шанс вылечиться тоже есть.

Опухоли нет, наследственности — тоже. Врачи переглянулись, глядя на воспалённые глаза Сюя: вывод напрашивался сам собой. Он плакал. Долго, мучительно. Постоянное напряжение, гипертензия, перегрузка глаз — зрение пострадало именно из-за этого.

— Вы помните, что происходило до приступа? Может, вы долго плакали?

Сюй кивнул:

— Да... я тогда очень долго плакал.

Он вцепился в кружку:

— Умер мой парень.

Врачи перевели взгляд на Гу Яня, лицо которого побледнело и застыло. И вдруг поняли: теперь всё становится на свои места.

На Сюя, сидящего на диване с прямой спиной, невозможно было смотреть без жалости.

Кажется, не всегда жизнь с влиятельным человеком делает кого-то счастливым.

Что же было на самом деле? Он потерял любимого, а потом генерал силой его забрал?

Доктора переглянулись, потом один из них осторожно оформил диагноз:

зрение подорвано чрезмерными слезами, стрессом и высоким внутриглазным давлением. Вторичная глаукома на фоне психологической травмы. Случай редкий. За всё время практики они почти не встречали пациентов, которые бы ослепли от горя по умершему любимому.

Значит, чувства были настоящими.

Сначала Сюю сделали укол витамина В, оставили под наблюдением, затем выписали лекарства для поддерживающей терапии.

Гу Янь молчал. Всё это время он сидел неподвижно, лицо потемнело, глаза потухли. Никто не знал, о чём он думал.

Но когда прозвучали слова, что болезнь Сюя началась в августе шесть лет назад, его рука, опущенная на бедро, сжалась в кулак. Слишком сильно. На предплечье и кисти вздулись жилы.

— Вылечите его, — сказал он холодно. — Мне нужен он. Прежний. Чего бы это ни стоило.

Врачи нерешительно кивнули:

— Мы сделаем всё возможное.

Гу Янь резко встал. Лицо — как камень, жёсткое, страшное. Он с яростью пнул стол перед собой.

— Мне не нужно "всё возможное"! — закричал он. — Мне нужен результат! Результат, ясно?! Вы что, даром едите свой хлеб?! Справиться с такой ерундой не можете! Зачем вы тогда вообще нужны?!

Он понимал и знал, чья это вина.

Именно из-за него Сюй Сяочжэнь довёл себя до такого. Именно он заставил его плакать до слепоты.

Когда-то он представлял, как всё будет после своей инсценированной смерти. Думал, Сюй немного погрустит, а потом смирится, примет свою судьбу омеги, заживёт спокойно и благополучно.

Но он не ожидал, что тот проведёт пять лет в одиночестве. Что будет плакать ночами — до тех пор, пока не потеряет зрение.

А если бы тогда он хотя бы раз появился? Или прислал весточку? Может, глаза Сюя были бы целы?

Он смотрел, как тот медленно, вслепую, на ощупь пытается подняться. Сердце болело.

Сюй не должен пострадать. Он — не позволит.

В огромной гостиной гулко разносился его рёв. Врачи побледнели, сжались, начали торопливо поддакивать.

Сюй поправил больные глаза, тяжело поставил стакан на стол.

Врачи побледнели ещё сильнее. Характер генерала Гу они прочувствовали на себе — взрывается с пол-оборота. Они боялись, что сейчас и пациенту достанется.

Но вопреки их ожиданиям, генерал вдруг замолчал. Словно весь пар выдохся. Он подошёл ближе и, тихо, мягко сказал:

— Сяочжэнь, не бойся. Это не тебе. Всё будет хорошо. Обещаю.

Но, вопреки ожиданиям, молчаливый и на вид покладистый мужчина не выглядел ни тронутым, ни благодарным. Его лицо оставалось холодным, а слова резали, как лёд:

— Как раз тут и невролог рядом. Пусть заодно и тебе голову проверят. Что ты от них добиваешься, орёшь тут, как сумасшедший?

Лицо Гу Яня исказилось. Он сменил целую гамму выражений — от потрясения до сдержанной ярости. Но, удивительно, промолчал.

Врачам было не по себе. Мозг сам рисовал сценки из романов о захватнической любви. Атмосфера сгущалась до абсурда. Хотелось выскочить отсюда, пока не поздно.

— Только, пожалуйста, берегите себя, — торопливо заговорил один из них. — Настроение должно быть стабильным, никаких слёз. Мы не преувеличиваем — состояние глаз очень серьёзное. Продолжится — и вы ослепнете.

Сказав это, они тут же откланялись.

Сюй Сяочжэнь поднялся, держась за спинку дивана, и молча кивнул.

Слуги проводили врачей. Вилла снова погрузилась в тишину.

Сюй наощупь потянулся к лекарствам, оставленным на столике. Столько пузырьков...

Но кто-то опередил его. Осторожно отобрал нужные, вложил в его ладонь, мягко сжав её.

По касанию, по температуре кожи Сюй сразу понял — это Гу Янь.

Почти все препараты — витамины. Врачи говорили: главное — спокойствие. Ради собственного здоровья Сюй обязан был держать себя в руках.

Он всегда думал, что просто стал близоруким. Кто бы мог подумать — это всё от слёз. Странно. Глаза не болели, а всё равно сломались.

Он запрокинул голову и разом проглотил все таблетки.

Он не оттолкнул ни объятий, ни лекарств. И Гу Янь воспринял это как знак: Сюй просто дулся, злился, но в глубине души не отверг его.

Хрупкого Сюя легко успокоить. Ему нужно тепло, опора.

Он обнял его крепко и прошептал:

— Сяочжэнь, ты ведь всё ещё любишь меня, правда?

Он провёл большим пальцем по воспалённым векам, голос дрожал вместе с дыханием:

— Ты ведь всё это время плакал втихаря. Поэтому всё и обострилось, да? Хватит, малыш. Не упрямясь. Мы теперь всё наладим. Я буду рядом. Больше ты не заплачешь.

— Даже если зрение не восстановится — не важно. Остайся со мной. Я буду любить тебя всю жизнь, — тихо произнёс Гу Янь.

Сюй Сяочжэнь не оттолкнул его. Поднял руку, коснулся его лица — словно пытался убедиться, что перед ним действительно тот, кто говорит эти слова.

Радость захлестнула Гу Яня, перекрывая всю боль. Он не сдержался — улыбнулся.

Сяочжэнь всё ещё любит его. Значит, простил. Гу Янь клялся себе: отныне сделает всё, чтобы загладить вину. Что бы тот ни пожелал — исполнит.

Сюй нашёл нужную точку. Рука взметнулась — и врезалась в лицо Гу Яня.

Он даже пожалел, что силы у него уже не те, как в юности. Тогда он бы точно разбил ему губу.

— Либо отпусти меня. Либо не носи этот жалкий бред. Мне и так тяжело, а от твоей жалости я ослепну окончательно, — выдохнул он.

— Сюй Сяочжэнь!! — голос Гу Яня сорвался. Его рука взметнулась вверх — ладонь застыла в воздухе, так близко, что Сюй почувствовал движение воздуха.

— Ну давай! Ударь меня! Или убей! — взвизгнул Сюй, задрал голову.

Но Гу Янь сжал кулак, отступил. Всё внутри сжималось от вины. Он только поцеловал Сюя в лоб, прошептал:

— Злость — вредна для глаз. Перестань.

Он крепко обхватил его и унёс в спальню. Положил Сюя на кровать и ушёл.

Сюй сидел, тяжело дыша, запрокинув голову. Казалось, будто он пробежал километр. Голова гудела. Он не мог ни плакать, ни грустить — не осталось сил.

Лицо Гу Яня горело от пощёчины, но сердце болело ещё сильнее. Тяжело, вязко, как тупой нож по живому.

Он вышел на террасу, закурил и стал вспоминать что рассказывал Сюй о жизни без него. Сигарета за сигаретой. Четыре, пять подряд. Никотин должен был притупить боль.

— У меня всё хорошо. Я, конечно, сначала думал, что ты умер... Было тяжело. Но потом собрался, снова пошёл учиться. Были добрые люди, помогли деньгами. Сдавал утиль, подкопил немного, в доме кое-что починил, мебель новую купил...

— Завёл несколько друзей. Всё, в целом, шло неплохо.

— Шрам на шее? А, это... Когда я дифференцировался как омега — всё пошло очень плохо. Масса проблем. Я тогда подумал: лучше быть бета, чем таким... поломанным омегой, — он усмехнулся. — В общем, удалил железу в больнице.

— Наверное, на операцию поставили стажёра. Всё сшито криво. Жутко. — Он усмехнулся снова, но уже не так весело. Задёрнул волосы на шею. — Не смотри. Тебе же неприятно. Страшно выглядит.

Сюй Сяочжэнь с улыбкой рассказывал, как жил все эти пять лет, пока Гу Яня не было. Сам он никогда ничего не начинал — говорил только в ответ на прямые вопросы. Но стоило Гу Яню поинтересоваться, как он сразу оживлялся, будто рассказывает анекдот.

Да, было непросто. Первый год — не сдал экзамены, слишком разбит был. На второй год — провал. На третий — пришлось копить и работать. Только на четвёртый получил финансовую поддержку. На пятый — поступил в университет, хоть и не без трудностей.

Но, в целом, всё было "хорошо". По его словам — почти безмятежно.

Сюй Сяочжэнь охотно рассказывал только о том, как они были вместе. Особенно — о самом начале. Каждый вечер он вспоминал, как у них в доме ломался старый холодильник, как рухнул шкаф, как они вдвоём проломили кровать. На занятиях по общественной морали он всегда оставлял пустой лист — вместо этого надеясь, что воспоминания растопят лёд в сердце Гу Яня.

Но Гу Янь не любил слушать. Эти рассказы вытаскивали наружу позорные страницы его жизни в восемнадцатом округе. К тому же, он продолжал притворяться, будто потерял память. С тех пор, как понял, что всё ещё хочет Сюя, он больше всего боялся поссориться с ним окончательно.

Поэтому каждый раз, как Сюй начинал вспоминать прошлое, Гу Янь затыкал ему рот — дословно. Целовал, толкал в постель, добивался близости, пока тот не уставал настолько, что уже не мог говорить.

Со временем Сюй понял: Гу Янь не хочет слушать. И больше не вспоминал.

Пять лет, о которых он говорил с улыбкой, на деле, вероятно, были совсем не такими безоблачными.

Раз он ослеп — что ещё он скрывает?

Что ещё произошло за эти годы? Гу Янь выкурил всю пачку, даже не заметив. Пепельница была полна.

Он отправил запрос — начал проверку прошлого Сюя. Хотел знать всё.

Пока он думал, что Сюй живёт хорошо — врать было легко. Но если всё было плохо?

Насколько плохо?

Он не знал. Но впервые ощущал смутную тревогу. Сигарета обожгла кожу пальцев. Только тогда он неторопливо потушил её.

В гостиной осталась гора лекарств Сюя: холин, пантотеновая кислота, рутин, витамины B2, C, E, германий. Плюс уколы витаминов и настойки с укропом для промывания глаз. Банки, пузырьки, флаконы — всё одного габарита, будто отмерено по линейке.

Лекарств было много, и назначения — сплошная путаница: утром — одни, днём — другие, вечером — третьи.

Редко, но Гу Янь в этот раз был на удивление спокоен и терпелив. Он аккуратно рассортировал таблетки по времени приёма, чтобы было удобно принимать.

Утренние сложил в красные контейнеры, дневные — в зелёные, вечерние — в чёрные. У Сюя были проблемы со зрением, но даже без помощи он теперь не перепутает.

Он отнёс лекарства в комнату Сюя, поставил упаковки на прикроватную тумбочку.

Сюй спал. Лицо было чистым. Значит, перед сном не плакал.

Гу Янь усмехнулся — сам себе. Когда-то это он запирали Сюя за дверью, не впуская в комнату. А теперь сам крадётся к нему, чтобы хоть раз взглянуть, пока тот спит.

Перед уходом он не сдержался. Осторожно коснулся его щеки, потом склонился и поцеловал — в лоб, в нос, в щеки. И только после этого вышел.

"Ещё семь дней, Сяочжэнь. Всего семь. Потом будет операция. Ты снова сможешь видеть.

И снова будешь любить меня. Перестанешь злиться и плакать каждый день.

А я научусь быть для тебя хорошим. Как ты был для меня.

Пусть всё плохое останется в прошлом. Я сделаю тебя счастливым. Обещаю."

На обратном пути в коридоре его встретил управляющий. Поздоровался, а потом передал мазь и посоветовал воспользоваться.

Гу Янь только тогда заметил, в каком он состоянии: в руке всё ещё сжимал ледяной пакет, лёд уже растаял, а кисть покраснела от холода. На ней ещё и ожог от сигареты.

Пожалуй, впервые в жизни он выглядел настолько жалко.

Он кивнул, мол, понял.

И только когда вскрывал упаковку с ватной палочкой, заметил: кольцо на левой руке — не то.

Это было не то, что подарил ему Сюй. Это было обручальное кольцо от помолвки с Чэнь Баочжу.

Он уходил в спешке, раздражённый, не заметил, что перепутал.

Кольца Сюя нигде не было. Гу Янь перерыл все карманы одежды, которую носил днём.

Только потом вспомнил — он оставил его на столе.

<http://bllate.org/book/14462/1279176>